

8. Giornale d'Italia. 1938. 14 luglio.
9. Galeotti C. Mussolini ha sempre ragione: I decaloghi del fascismo. Milano, 2000.
10. Gazzetta ufficiale del Regno d'Italia. 1938. № 43.
11. Gazzetta ufficiale del Regno d'Italia. 1938. № 50.
12. Archivio storico Fondazione Ugo Spirito (Roma). Fondo Camillo Pellizzi. B. 5. Fasc. 9. Doc. 3.
13. Giani N. Perché siamo anti-semiti. Milano, 1939.

Рафия Узбековна СЕМЕНОВА —
доцент кафедры социально-политических
дисциплин Института экономики,
управления и права (г. Казань),
кандидат филологических наук

УДК 32 (075. 8)

ХАННА АРЕНДТ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И НАСИЛИИ

АННОТАЦИЯ Статья рассматривает проблему соотношения власти и насилия, сформулированную политологом Ханной Арендт. Арендт раскрывает творческий потенциал власти через обеспечение и гарантирование прав человека, создание условий для оптимального баланса публичного и частного, достижение свободы. Она разводит властные отношения и насилие, связывая власть с легитимностью.

The author considers the problem of correlation of power and violence formulated by politologist Hanna Arendt. Arendt reveals creative potential of power through insurance and guaranteeing human rights, providing conditions for optimum balance of the public and the private, achievement of freedom.

Отечественная политическая наука стремится к осмыслению всего многообразия политических доктрин, сфокусированных на проблемах современности. Значение творческого усвоения их особенно возрастает в контексте становления идеологического плюрализма, преодоления деформированного сознания, много лет ориентированного на господствовавшее официальное мировоззрение. Кроме того, следует отметить то обстоятельство, что в содержательном плане многие политические доктрины являются достаточно самобытными и оригинальными конструкциями. Именно в таком русле можно объяснить интерес отечественной политической науки к творчеству немецко-американского политолога Ханны Арендт.

Политическое творчество Х. Арендт — члена-корреспондента Германской академии языка и литературы, действительного члена Американской академии политических наук — стало, безусловно, заметным явлением в современной политической мысли. В трудах Арендт исследованы природа политического в целом и особенности его исторически меняющихся форм, политические феномены свободы и тоталитаризма. Особое место в широком диапазоне политически окрашенной аналитики занимают проблемы политической власти и насилия, их соотношения.

Тема власти формулирует контекст обоснования многих политических событий современности и, в частности, оценки сущности и истоков тоталитаризма. По мысли Арендт, политическая власть есть некое сцепление политического организма, его внутренняя пружина. Адекватная интерпретация власти складывается только в случае осмысления ее как реализации совместности. «Власть не может

быть присуща отдельному индивиду, — пишет Арендт, — она принадлежит группе и существует до тех пор, пока существует данная группа. Власть есть не что иное, как предпосылка и основа «бытия друг-с-другом» [1; 266].

Эффективность власти Арендт связывает не с политическими институтами как таковыми, не с неким завершенным состоянием, а с потенциалом, который нужно актуализировать. Именно поэтому, по ее мнению, «власть немногих вполне может по обстоятельствам оказаться выше власти многих», таким же образом «народные восстания могут развернуть почти неодолимую мощь против абсолютного материального превосходства государственных средств насилия» [1; 266].

Исходно в данном контексте креативные возможности власти реализуются через «способность действовать по-человечески». Последняя раскрывается в деятельности власти, осуществляемой, согласно Арендт, в следующих направлениях.

Прежде всего, имеется в виду защита властью некоторых неотъемлемых, неотчуждаемых прав людей. Никогда прежде права человека, торжественно декларированные Американской и Французской революциями, отмечает Арендт в «Истоках тоталитаризма», «не были делом практической политики». Именно современные институциональные структуры должны гарантировать их всеобщность и универсальность. В реальной жизни, констатирует Арендт, складывается ситуация, когда «элементарные права так же мало обеспечивались обычным функционированием национальных государств в центре Европы, как мало были бы защищены и в сердце Африки» [2; 391]. Отчасти такое положение дел порождено абстрактностью неотчуждаемых прав человека в том виде, как они были сформулированы в «Декларации прав человека»: «С самого начала в Декларации ...присутствовал тот парадокс, что она оперировала абстрактным человеческим существом, по-видимому, нигде не существующим, ибо даже дикари жили в некоторого рода социальном порядке» [2; 390]. С другой стороны, власть продемонстрировала неспособность реализовать права людей, которые «больше не были гражданами ни одного суверенного государства... Первая потеря, от которой страдали бесправные, — это потеря своего, что означало потерю той социальной среды, в которой они родились и нашли себе место в мире. Вторая потеря, от которой страдали бесправные, была утрата правительственной защиты, и это влекло потерю правового статуса не только в их собственной стране, но и во всех странах» [2; 393].

Стремясь придать понятию «тоталитаризм» статус научной категории, Арендт рассматривает его как политический порядок, которому имманентны ограничение прав отдельного человека. Вот почему для обозначения элементов, конституирующих тоталитаризм, наряду с понятием «масса», под которой понимаются изолированные друг от друга индивиды, она вводит термины «террор», «репрессии», «чистки», в которых находит самое характерное выражение системное ограничения прав и свобод индивидов. «Массовая атомизация в советском обществе была достигнута умелым применением периодических чисток, которые неизменно предваряют практические групповые ликвидации, — подчеркивает Арендт. — С целью разрушить все социальные и семейные связи, чистки проводятся таким образом, чтобы угрожать одинаковой судьбой обвиняемому и всем, находящимся с ним в самых обычных отношениях, от случайных знакомых до ближайших друзей и родственников» [2; 429].

Следующим аспектом проявления креативного потенциала власти выступает ее роль в обеспечении гармоничного сочетания публичной и частной сфер. Понятие «публичный» отражает в творчестве Арендт те стороны и характеристики политического сообщества, которые характеризуются достаточной прозрачностью, открытостью и гласностью. Это жизненное пространство общего для индивидов, связанное с «объективным», т. е. «предметным

отношением к другим» [1; 65]. Что же касается частного, приватного, то эта сфера, по мысли Арендт, выражается в закрытости, отсутствии других, причастности только к данному человеку и поэтому несет на себе некий отпечаток интимности. «Приватный человек не выступает в явленности, словно как если бы его вообще не существовало. Все, что он делает, или упускает, лишено значения, не имеет последствий; все, что его задевает, не касается больше никого» [1; 76].

В представленном контексте разграничения приватного и публичного важнейшей особенностью творчества Арендт выступает интенция к аналитике власти как проявления публичного: «Власть есть то, что зовет к существованию и вообще удерживает в бытии публичную сферу, потенциальное пространство явленности среди других» [1; 265]. Выступая как важнейшая характеристика публичного, власть, тем не менее, не должна занимать в названной сфере гипертрофированно большого места, ибо это может привести к нарушению гармоничного соотношения между публичностью и приватностью. Дисбаланс в сторону публичности, связанный с непомерно большой ролью в жизни общества властно-бюрократических структур, характерный для тоталитарных режимов, приводит к деформациям бытия индивидов, прежде всего за счет ограничения приватной сферы. Тоталитаризм уничтожает особенность, уникальность, достоинство человека, которые выступают в аксиологическом измерении политической теории Арендт в качестве максимальной ценности. В представлении Арендт, уникальность человека не в природе вообще и не в конечной сумме индивидуальных достоинств и недостатков (т. е. не в его *что*), а в существе его *кто*. «Действуя и говоря, люди всякий раз обнаруживают, *кто* они суть, активно показывают неповторимость своего существа» [1; 234]. Способность выражать с максимальной степенью напряжения собственное *кто* определяется гармонией публичного и приватного. Последнее же во многом зависит от того, какое место занимают властные структуры в публичном. Власть содержит в себе внутренние предпосылки для обеспечения адекватной роли в публичном и тем самым создания условий для нормального течения человеческой жизни, формирования и проявления *кто* личности.

Наконец, еще одним существенной характеристикой власти в аспекте открытия новых возможностей является, по мнению Арендт, реализация феномена свободы. Понимание феномена свободы основано на своеобразном толковании проявлений человеческой деятельности или *Vita activa* (деятельной жизни).

В первую очередь Арендт обозначает такой вид человеческой деятельности, как труд, обеспечивающий процессы воспроизводства человеческого организма и воплощающийся в активности субъекта — «рабочего животного». Далее называется производство, которое реализует связи между индивидами, заданные технологическими процессами, и воплощается в деятельности «человека производящего». Последним видом выделяемой Арендт деятельности выступает действие — единственная деятельность в *Vita activa*, «развертывающаяся без посредничества материи, материалов и вещей, прямо между людьми» [1; 14]. Своеобразие этого вида деятельности проявляется в активности «субъекта активного», в его стремлении к свободе. Свобода как начало, возникающее в системе субъект-субъектных отношений, включает в себе колоссальный креативный потенциал. Сущностью свободы является «начинание нового». «Свобода как внутреннее качество тождественна способности начинать и творить новое,- пишет Арендт, — подобно тому, как свобода в качестве политической реальности тождественна существованию некоторого пространства между людьми для их самочинного движения» [2; 614].

В политико-государственных формах античного общества с широким участием в управлении различных категорий гражданства, с активной общественно-политической деятельностью индивидов, их развитым политическим самосозна-

нием, своеобразным политическим климатом она усматривает предпосылки для достижения и реализации свободы. Приватная сфера античности заключала в себе определенные элементы ограниченности и необходимости. По мысли Арендт, «не только полису, но и античности вообще было совершенно ясно, что даже власть тирана ограничена и менее полна, чем та, с какой отец семейства владел своим рабовладельческим хозяйством и домочадцами» [1; 38]. Совсем иначе обстояли дела в публичном, которое «снимало» указанные недостатки. «Как ни склонны были греческие философы восставать против политического, против жизни в полисе, — подчеркивает Арендт, — для них оставалось все же само собой разумеющимся, что местопребывание свободы располагается исключительно в политической области, а необходимость — это дополитический феномен, характеризующий сферу частного хозяйства и что принуждение и насилие оправданы лишь в этой сфере, поскольку они дают единственное средство возобладать над необходимостью — например — через господство над рабами» [1; 42].

Таким образом, гармоничное взаимодействие частной и общественно-гражданской сфер в античном обществе определялось оптимальным соотношением воплощаемых ими противоположных принципов: несвободы и свободы. Благодаря подобного рода гармонии полисный индивид проявлял себя универсально: политическая деятельность, основанная на состязательности и конкурентности, воплощала себя не просто как пространство свободы, но пространство, где проявляются достоинство и личностная уникальность человека. «Полис, а стало быть, и само публичное пространство, — констатирует Арендт, — было местом сильнейшего и ожесточеннейшего спора, в котором каждый должен был убедительно отличить себя от других выдающимся деянием, словом и достижением, доказав, что он именно живет как один из лучших. Другими словами, открытое, публичное пространство было отведено для непосредственного, для индивидуальности. Это было единственное место, где каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он в своей независимости является» [1; 74]. Личность демонстрировала определенное единство с властными структурами, с институциональным порядком; личностный компонент был органически включен в политические отношения.

Согласно Арендт, тоталитаризм означает ликвидацию какой-либо свободы, ибо воля каждого в нем зависит от общей воли и подчиняется ей. Он является полнейшим разрушением человеческой индивидуальности и уничтожением *кто* личности. Тоталитаризм стремится привести бесконечное множество весьма различных существ к одному знаменателю и поэтому разрушает нечто жизненное, естественное, благоприятное и для отдельного человека, и для сообщества людей в целом. Он ограничивает свободу и как «сопротивление» — в контексте воздействия, и как «особое личное мнение» — в контексте несогласия. Тоталитаризм ликвидирует приватную сферу, ибо ограничивает свободу, которая является изначальной ее характеристикой.

Таким образом, анализируя власть в аспекте потенциального и актуального, Арендт рассматривает вероятность превращения потенциальной каузальной связи в актуальную через призму выполнения властью определенных обязательств перед обществом. Именно в названном контексте власть объясняется как средство политического творчества, как феномен, в корне противоположный насилию. Арендт переводит теоретический анализ креативного потенциала власти в русло осмысления сущности насилия и концептуализации этой проблемы. Она упрекает предшествующую политическую мысль в незавершенности интеллектуальных поисков аутентичной интерпретации исходных понятий, приводящее к тому, что «проблемы насилия остаются все еще не ясными» [3; 312]. Современная политическая мысль так же мало прояснила существо вопроса. Разно-

речивость мнений и суждений о насилии вызвали у самой Арендт сомнение в возможности решения проблемы и привели к парадоксальному заключению о том, что «политической теории нечего сказать о насилии» и что необходимо оставить этот вопрос «техникам политики» [4; 9]. Впрочем, признание этого обстоятельства не помешало ей написать интересную и значительную работу по названной теме — философско-политическое исследование «О насилии». Обостренно воспринимая проблемы современности, Арендт не могла не отреагировать на гигантский всплеск насилия в XX в., не выразить стремления разобраться в его этиологии, сущности, проявлениях.

Насилие противопоставляется Арендт «участию и согласию» античного общества, демократическим структурам Нового времени и легитимационным практикам современности. Арендт определяет насилие как явление, отражающее инструментальный аспект политической деятельности. Она полагает, что феноменологически понятие насилия близко к силе, «так как средства, используемые насилием, как и все орудия, используются с целью приумножения его природных сил — вплоть до полной замены этих сил, знаменующей конечную стадию развития данных орудий» [3; 325]. Насилие выступает для Арендт как принудительное ограничение свободы воли политических субъектов, как подавление физических и духовных возможностей участников политического процесса. Из многообразия средств политической деятельности насилие является самым нежелательным для общества. Для Арендт очевидно, что «обманы, поскольку они нередко используются вместо более насильственных действий, можно считать относительно безвредными орудиями в арсенале политического действия» [5; 229].

Рассматривая насилие и террор в определенной связи, Арендт все же считает необходимым провести смысловое размежевание указанных понятий. Террор для нее — это, скорее всего форма правления, устанавливаемая тогда, когда насилие, «разрушив всяческую власть, не уходит от дел, а, наоборот, сохраняет за собой полный контроль» [3; 334]. Правда, в другой связи понятия «насилие» и «террор» рассматриваются как однопорядковые и террор определяется как «крайняя форма проявления насилия тоталитарным господством» [3; 335]. «Эффективность» террора напрямую связывается Арендт со степенью атомизации (раздробления) общества, исключаяющей формирование политической оппозиции.

Как же соотносятся власть и насилие? Арендт отмечает, что в политической науке сложилась устойчивая традиция рассматривать политику как сферу господства одних людей над другими, высшим проявлением которого выступает насилие. Арендт не устраивает анализ власти и насилия как слитных начал, основанный на отождествлении реальностей, с которыми данные мыслительные формы соотносятся. Она разграничивает власть и насилие по некоторым существенным основаниям:

— направленности, соответствию требованиям исторического прогресса: насилие не конструктивно, разрушительно; подлинная власть заключает в себе колоссальный творческий потенциал для развития. «Насилие всегда может разрушит власть... Чего никогда не способно породить насилие — так это власти» [3; 333];

— механизмам осуществления: «предельным проявлением насилия является противостояние всех одному, предельным проявлением насилия является противостояние одного всем» [3; 320];

— отношению к целям политической деятельности: «если насилие как политическое средство нуждается в наличии некоей направляющей цели, которая служит его оправданием», то «власть... есть нечто такое, что существует до всяческих целей и независимо от них, так что власть отнюдь не являясь орудием осуществления каких бы то ни было целей, являет собой то необходимое условие, без которого ни одно человеческое объединение не сможет мыслить и действовать» [3; 330];

Итак, анализируя одну из наиболее запутанных проблем политического знания — соотношение власти и насилия, Арендт исходит из недопустимости сведения политики, государственной власти к насилию. Означает ли это, что она полностью исключает насилие из средств реализации политической власти? Отнюдь нет. Оценивая взгляды Арендт по сформулированной проблеме, необходимо, на наш взгляд, избегать крайностей. Так, А. В. Дмитриев и И. Ю. Залысин, подчеркивают, что Арендт «исключала физическое принуждение из сферы политического насилия и полагала, что использование насилия — это не применение власти, а ее отсутствие» [6; 67]. Думается, что позиция Арендт не была столь прямолинейной и однозначной, ведь ей было присуще понимание того, что политическая власть не может обойтись без принуждения, поэтому говорить о «ненасильственной власти — это уж чересчур» [3; 336]. Она допускает применение насилия в следующих случаях: во внутривластных делах — по отношению к «преступникам и бунтарям», «фактически отказавшимся подчиняться принципу консенсуса, в согласии с которыми существует большинство граждан» [3; 330]; в международных отношениях — «в качестве последнего средства ограждения властных структур от попраiania их... внешними врагами» [3; 326].

Согласно Арендт, роль политического насилия как способа поддержания политической стабильности весьма ограничена, ибо, в конечном счете, оно приводит к отчуждению участников политического процесса друг от друга. Конфронтационность и эскалационный характер насилия могут создать не только серьезные препятствия для развития общества, но и привести к крушению политической организации и общественной системы в целом. Признавая присутствие насилия в реальной политике, Арендт приходит к пониманию того, что только на путях его ограничения возможно расширение творческого потенциала политики. Долговременная стабильность может базироваться только на интеграции людей в многообразных формах, укреплении целостности общественной жизни. Вот почему специально прорабатывается Арендт вопрос о легитимности власти.

Позиция Арендт является своего рода точкой пересечения главных стратегий западной политической мысли в осмыслении смыслового поля понятия «легитимность». «Власть не нуждается в обосновании, будучи присуща самому существованию политических сообществ, — подчеркивает она, — в чем она действительно нуждается, так это в легитимности» [3; 331]. Легитимность Арендт рассматривает как особое состояние политической власти, при котором действия политических субъектов направляются так, что необходимость использования насилия и принуждения до предела минимизируется.

Арендт выделяет также следующие смысловые контексты термина «легитимность». Процесс легитимации обнаруживает себя через поддержку масс, он в полной мере фиксирует и отражает признание власти управляемыми индивидами. «Все политические институты суть проявления власти, ее материализация, стоит животворной силе народной поддержки покинуть ее, и они окаменевают и приходят в упадок» [3; 319]. В другой связи она отмечает: «власть всегда нуждается в поддержке масс, насилие же способно до известной степени обходиться без этой поддержки, так как оно полагается на свои обычные средства» [3; 320]. «Народная поддержка» — это фактор, сдерживающий дезинтеграционные процессы в политическом сообществе. На основе «народной поддержки» действия власти становятся определенными, предсказуемыми, а следовательно, и управляемыми.

Подводя итоги, следует отметить следующие положения, раскрывающие роль и значение концепции Арендт в процессе осмысления и исследования проблем философии политики и политологии:

поддержки, так как оно полагается на свои обычные средства» [3; 320]. «Народная поддержка» — это фактор, сдерживающий дезинтеграционные процессы в политическом сообществе. На основе «народной поддержки» действия власти становятся определенными, предсказуемыми, а следовательно, и управляемыми.

Подводя итоги, следует отметить следующие положения, раскрывающие роль и значение концепции Арендт в процессе осмысления и исследования проблем философии политики и политологии:

— творческий потенциал власти актуализируется в случае обеспечения и гарантирования прав человека, создания условий для оптимального баланса публичного и частного, достижения свободы;

— насилие — это явление, не связанное с властью необходимым образом, хотя оно и может выступать одним из инструментов политической деятельности. Власть по своей природе созидательна, насилие же разрушительно;

— весьма существенным фактором ограничения насилия в реальной политике является легитимность, поддержка власти управляемыми индивидами. Именно с ней в долговременной перспективе связываются процессы укрепления целостности и стабильности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб: Алетейя, 2000, 430 с.
2. Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М.: Центрком, 1996. 672 с.
3. Арендт Х. О насилии. — *Мораль в политике. Хрестоматия*. М: КДУ: Изд-во МГУ. 2004. С. 312-378.
4. Arendt H. *On Revolution*. N. Y.: Viking. 1963. P. 3-45.
5. Arendt H. *Between past and Future: Eight Exercises in Political Thought*. Harmondsworth. 1993. P. 200-235.
6. Дмитриев А. В. Залысин И. Ю. *Насилие: социо-политический анализ*. М.:Роспэн. 2000. 309 с.
7. Магун А. В. Понятие суждения в философии Ханны Арендт. // *Вопросы философии*. 1998. №11. С. 102-115.
8. Маликова Ю. О. Проблема соотношения политики и морали в философии Ханны Арендт. // *Полис*. 2003, № 5. С. 98-109.
9. Маликова Ю. Обоснование морального действия в философии Ханны Арендт. // *Вопросы философии*. 2005, № 6. С. 168-18.